

СОДЕРЖАНИЕ

Биографическая справка	5
Мария Судаева ЛОЗУНГИ	
ПРОГРАММА МИНИМУМ	11
ПРОГРАММА МАКСИМУМ	51
ИНСТРУКЦИИ ДЛЯ БОЕВЫХ ПОДРУГ	91
Валерий Кислов НЕСКОЛЬКО СЛОВ О «ЛОЗУНГАХ» МАРИИ СУДАЕВОЙ	133

**НЕСКОЛЬКО СЛОВ
О «ЛОЗУНГАХ» МАРИИ СУДАЕВОЙ**

«После третьей трубы внезапно воссияет среди ночи солнце и луна трижды в день; и с дерева будет капать кровь, камень даст голос свой, и народы поколеблются... Море Содомское извергнет рыб... Будет смятение во многих местах, часто будет посылаем с неба огонь; дикие звери переменят места свои, и нечистые женщины будут рождать чудовищ. Сладкие воды сделаются солёными, и все друзья ополчатся друг против друга; тогда сокроется ум, и разум удалится в своё хранилище. Многие будут искать его, но не найдут, и умножится на земле неправда и невоздержание. Одна область будет спрашивать другую соседнюю: „не проходила ли по тебе правда...?“ И та скажет: „нет“».

Третья Книга Ездры

Название как нельзя лучше определяет форму этого странного произведения: оно состоит из пронумерованных лозунгов, инструкций и рекомендаций, тематически объединённых в короткие блоки, которые выстраиваются в три совершенно равные части (по триста сорок три лозунга в каждой).

Первая часть ПРОГРАММА МИНИМУМ содержит тридцать блоков; вторая часть ПРОГРАММА МАКСИМУМ—тридцать три; третья часть ИНСТРУКЦИИ ДЛЯ БОЕВЫХ ПОДРУГ—тридцать шесть (в итоге—девяносто девять блоков). Все фразы выписаны заглавными буквами, завершаются восклицательными знаками и чаще всего представляют собой односоставные предложения со сказуемыми в повелительном наклонении: БЕЙ, РАЗИ, КРУШИ, УНИЧТОЖАЙ... Как правило, лозунги сводятся к приказам и наказаниям, категорическим запретам, а иногда разворачиваются в более пространственные просьбы или советы с пояснениями и подробностями. При чтении вслух выявляется преобладание фрикативных согласных, шипящих и свистящих, агрессивно открытых гласных, которые создают цепочки ассонансов и акцентируют фразировку, а также прослеживается неровный, рваный ритм. Перечень прозаических реплик начинается звучать как поэма.

Некоторые слова и группы слов повторяются в различных сочетаниях, их настойчивая многократность создаёт внутри произведения

своеобразную комбинаторную переключку; поэтизированный текст наговаривается, проговаривается, переговаривается и словно отражается в себе самом нескончаемым эхом. При такой реверберации совершенно уместными и даже гармоничными кажутся вкрапления стилистически разнородных элементов; в едином порыве равноправно выступают архаизмы и неологизмы, инородные слова, а родные слова часто принимают неправильные, искажённые формы, готовые вот-вот—тут ещё один суффикс, там ещё один эллипсис—низвергнуть весь текст в невнятную глоссолалию. Причудлива лексика, особенно ономастическая: интернациональные имена и фамилии отсылают к разным культурам и традициям: НАТАЙЛИЯ ЯМАЯШ, АБРАМ ВОРЯГИН, ЯГО ПОДПУЛЕМЁТНЫЙ, СУСАЛЬНА БРОДЯЖНАЯ, ИДА КАНИСТРА, САРА ТЕМИРБЕКЯН, МАРИЯ КРИС, ЛОТТА, ИНГРИД. Так же утопичны или, точнее, свободно ассоциативны и топонимы—КАРАГО, ТАССИЛИ, МАНАГОНИЯ, МАТРОНИЯ, УЛАН-УЛАНЬ, КОЛЫМЕНА, ПОТОМЯКОВО; нередко имена геогра-

фических объектов вообще заменяются номерами: СТОЯНКА НОМЕР ТРИНАДЦАТЬ, КВАДРАТ NUMBER ВОСЕМЬ, КЛЕТЬ НОМЕР ZWEI, ПОЛУОСТРОВ ПОД НОМЕРОМ EIGHT...

Лозунги необычно страстны, то нежны и печальны как стенания, плачи, то грозны и свирепы как военные марши, но все одинаково обезличены. Кто объявляет? Кто кричит? Голоса раздаются, а, может быть, воспроизводятся, передаются—где? откуда? куда? Не сразу понятно, к кому они обращены. К неизвестным соратникам? К сподвижникам? К читателю? Высказывания побуждают реагировать на хаотическое движение окружающего мира и, насколько возможно, вписываться в его многочисленные и непредсказуемые траектории: предупреждают об угрозе, советуют, предписывают, приказывают. Психологически текст работает на тотальную мобилизацию—три блока лозунгов так и названы: ОБЩИЙ ПРИЗЫВ, ВТОРОЙ ПРИЗЫВ, ТРЕТИЙ ПРИЗЫВ—и воспринимается как череда мощных инъекций, сильных импульсов для чистых переживаний. Эдакие феноменологические

инструкции для театра чудовищной жестокости и поэзии прямого действия, напоминающие «in-
yer-face-theater» Арто или Беккета.

Постепенно,—фоном к репликам, как далёкий декоративный задник, призванный лишь наметить, обозначить,—вырисовывается общая картина. В ходе бесконечной боевой операции с неясными целями и задачами какие-то группы (отряды?) и отдельные бойцы получают приказы убивать, защищать, укрывать, укрываться, объединяться, мстить. Генштаб—если он вообще существует—утратил способность анализировать информацию, принимать адекватные решения и осуществлять координацию; центр управления, словно поражённый коварным вирусом, все ещё генерирует и запускает программы, но делает это бессистемно и бессмысленно. Порой команды противоречивы, разнонаправлены, причём одновременно, в пределах одной строки: ВПЕРЕД! НАЗАД! РАЗИТЕ! Действия должны совершаться (совершаются?) мгновенно, лихорадочно; всё спутано, хаотично: ЛЕТИ

НАУГАД! Кажется, враг везде и всюду—в воздухе, на суше, на море; в этой безымянной войне всех против всех и всего против всего любой объект может наделяться признаком если не одушевлённости, то, по крайней мере, опасной подвижности, а любой субъект, представляя потенциальную угрозу,—оказываться то живым, то мёртвым, то ещё хуже...

Иногда лозунги оглашают меры наказания, стилистически и юридически сопоставимые с ветхозаветными карами: ЗА ОДНУ ХРИЗАЛИДУ УДАВЛЕНУ—С КАРТЫ СТИРАЕТСЯ ГОРОД! ЗА ОДНУ МУРАВЬИШКУ ОБУГЛЕНУ—ПЯТЬ ПОКОЛЕНИЙ В ПЕКЛЕ! (...) ЗА ОДНУ ШАМАНКУ, БРОШЕННУЮ В КИСЛОТУ,—ТЫСЯЧА И ОДИН МАТРОС ГИБНУТ ВО МРАКЕ! (...) ЗА ОДНО СТОЛЕНИЕ СЛЁЗ—ПЯТЬ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ РЫДАНИЙ! Иногда информируют, сухо констатируя факты: МРАК ДОСТИГНУТ, ПОСЛЕДНЯЯ КУКОЛКА ВНОВЬ ВОССТАЁТ! (...) ПО ЛЕВОМУ БОРТУ—КРОВАВЫЙ ДОМ! ПО ПРАВОМУ—СИНЕЕ СОЛНЦЕ! (...) НИКАКОЙ ЗЕМЛИ НА ГОРИЗОНТЕ! Иногда,

словно завещая, принимают форму эпитафий:
ЗДЕСЬ СГОРЕЛА МАРИЯ КРИС! ЗДЕСЬ СГОРЕЛА
ГАЛЯ БАЙКАЛ! ЗДЕСЬ СОЖГЛИ МИРИЯНУ БЕК!
ЗДЕСЬ ПАЛА АЙРЫМ ВОРЯГИНА!

По мере зачитывания мы всё глубже проваливаемся в мир даже не киберпанковской антиутопии, а скорее пост-апокалиптической дистопии. Можно лишь догадываться, что в результате некоего гигантского катаклизма, мировой войны, эпидемии или атомного взрыва (одно из самых частых прилагательных—«попынный», то есть «чернобыльский») наступает (или уже наступил?) конец постиндустриальной эры с чудовищным истреблением всего живого, которое и присниться не могло последнему человеку Мэри Шелли или карикатурному человечищу Альфреда Жарри. Клиническая картина конца мира складывается из фрагментарных бредовых образов, но мира уже не совсем человеческого. Это умирание (или рождение?) иной, неведомой цивилизации, которую населяют существа с причудливой морфологией: животные, чаще птицы и особенно насекомые на разных фазах

развития, а ещё—то карликовые, то гигантские—гоминиды. Примечательно, что все существа, вне зависимости от степени антропо- и зооморфизма, исключительно женского рода. Они символизируют бескомпромиссный феминизм, отвергающий всё мужское и возвращающий мир (то, что от него осталось) к оголтелому матриархату. Их гибридная природа неопределима, плоть, кажется, неистребима, а дух—ЗА ПРЕДЕЛОМ ЛЮТОЙ МОГИЛЫ СПАСАЙСЯ, КТО МОЖЕТ!—извечен. Они причиняют и терпят зло, несут и выносят страдания, что создает уравновешенность и взаимозаменяемость актов насилия. Они повреждают и повреждаются, калечат и калечатся, «настраивают» свои и чужие органы, сторают, расплываются, вновь воплощаются, развоплощаются до состояния теней и призраков. Но, мутируя, не перестают бороться. Именно они, самки отчаяния, отщепенки и гёзки, призваны действовать в мире экспериментов, пыток и казней, мездрового клея и расплавленного гудрона, огня и полымя, пепла и праха. Именно к ним, диверсанткам, саботажницам, партизанкам, обра-

щены эти лозунги. Причём с неожиданной и вроде бы неуместной здесь нежностью и любовью (СЕСТРИЧКИ, СЕСТРЁНУШКИ, ХРИЗАЛИДУШКИ). Именно им, боевым подругам, последним героиням сопротивления, посвящён этот сюрреалистический и эсхатологический триптих: это есть их последний и решительный бой, это финальная (чуть ли не жертвенная по Батаю) баталия, обречённая—после краха всех идеалов и надежд—на окончательное поражение: СКОРО ВСЕОБЩИЙ КАЮК!

В умело выстроенных произведениях подъёмы напряжения обычно чередуются со спадами, энергия накапливается и на пике кульминации прорывается; для следующего нарастания необходим период восстановления. В «Лозунгах» такой момент покоя выпадает на блок под названием СОН СОРОК ДЕВЯТЬ, точно посреди списка из девяноста девяти тематических блоков и приблизительно в середине второй части. Сцены войны сменяет картина если не прочного мира, то хотя бы зыбкого перемирия. В этом затишье зарисовки экзотической природы

и погоды (в остальном тексте—редкие, скупые, с преобладанием водной стихии: жёлтые моря, коралловые рифы, чернюшные медузы, пиратские суда, чёрная пена) организуются в лирическое отступление:

290. СРОЧНЫЙ ВОСХОД, ТЁПЛЫЕ ВЕТРЫ!
291. ВНОВЬ НЕПАЛЯЩИЙ СВЕТ!
292. БЕЛАЯ ЗОРЕНЬКА, ЩЕБЕТ!
293. ЧИСТ ГОРИЗОНТ, ЛЕТНИЕ ЗАПАХИ!
294. У БЕРЕГА—ЛЁГКИЕ ВОЛНЫ,
В НЕБЕ—ПЕРВЫЕ ЧАЙКИ!
295. ЛОДКУ ПОКАЧИВАЙ, СОН СОРОК ДЕВЯТЬ!
296. ОБЕТОВАННОЕ РАННЕЕ УТРО!
297. ВНОВЬ МИРНАЯ ТИШИНА!
298. ДУШИСТЫЕ ТРАВЫ, ГРУЗНЫЕ ПЧЁЛЫ!
299. ПЧЁЛЫ В ЦВЕТАХ, А ПОТОМ—НИТЧЕВО!

После короткого сна-антракта читателю предстоит вновь окунуться в немереный океан, стремительные воды, бурлящий поток, который несёт осколки и обломки материи, останки тел,

отголоски, голоса бредящих и бродящих, бдящих и спящих, страждущих и умирающих.

И вновь автор с красноречивой фамилией Судаева подвергает читателя мощной психической атаке, обстреливает очередями, сотрясает залпами, оглушает взрывами ярких парадоксальных, сюрреалистических образов: каждый лозунг—скачок абсурдной идеи (*fuga idearum*), выплеск аномального бытия, вспышка памяти. Под судаевским пером (дулом?) реальность поразительно сочетается с фантастичностью, активное воображение — с галлюцинациями; границы сна и яви, жизни и смерти подвижны, причинно-следственная связь нарушена, временные и пространственные перспективы искажены: **ЕСЛИ ВСЁ ЕЩЁ ПУТАЕШЬ, ГДЕ ВНУТРИ, ГДЕ СНАРУЖИ, СКРЮЧЬСЯ И ПРОШЕПЧИ ОСТАНКИ СВОИ!** В болезненном сознании всё оказывается нестабильным: явь переходит в сновидение, сон—в бред, мир внешний и внутренний смешаны, а кошмар действительности перетекает в кошмар писательского вымысла: **СРОЧНО ЗАДЕЙСТВОВАТЬ СОН СТО ДВЕНАДЦАТЬ!** Здесь,

как и в случае с драматургом Сарой Кейн и ее пьесой «Подорванные» (*Blasted*, 1995), разрухе мира соответствует разруха сознания, а если мир уже искажён, то—спрашивается—как вообще возможно исказить его картину?

«Лозунги»—великолепный образец пограничного состояния, где поле флуктуирующего авторского сознания сужается и концентрируется до ступков, где эхо своих-не-своих мыслей звучит и преломляется, а своя-не-своя воля пронизывает насквозь, внезапно и неожиданно, словно бьёт электрическим током. Здесь передаётся не просто диалог автора с внутренним «я», а полилог различных частей «я», живущих в бессознательном: **ТЫСЯЧА СКРЫТЫХ ПСОВ ВНУТРИ КАЖДОЙ ИЗ НАС!** При таком расщеплении нет, да и не может быть, точек опоры, ориентиров, привязок—**СБИВАЙТЕСЬ С ПУТИ! РАЗИТЕ!**—в подвижном текучем мире всё ускользает из-под ног, вырывается из рук, разрывается на глазах, в голове, в коре головного мозга. Идентичности отчуждаются и высвобождаются для множествен-

ного бытия: отсюда—обмен кровью, сменные тела, панцири, кожи, лики, личины. Личностная героиня растворяется в коллективном героизме. Лозунги то и дело призывают к самокалечению—**РЕЖЬ СВОЙ ЯЗЫК! ВЫДАВИ ОЧИ СВОИ ЯЗЫКОМ!**—и самоуничтожению—**ВЕШАЙСЯ НА СВОЁМ РЕМНЕ! ОБЕЗГЛАВЬ СЕБЯ! ОМРАЧИ СЕБЯ! СЪЕШЬ СЕБЯ!** Индивидуальное сознание затопляется не только коллективным сознанием, но ещё и архетипическим бессознательным. Переводя эти послания с символического языка на свой (наш) актуальный язык, автор обращается к древним сказаниям, сказам, былинам: так появляются мифические князья и княгини, Игорь Юве и его слепые дочери, Иванна пречёрная, семь спящих сестриц, Большое Гнездо, вековечная ночь, живая вода.

В пылу боя помрачённое сознание достигает своей пост-апокалиптической фазы; воюющие (воюющие) впадают в экстаз, теряют себя. **ВЫЛЕЗАЙ ИЗ ЗАСТЫВШЕГО ЛОНА! НЕ СМОТРИ НИ НА ЧТО! ИЩИ МИР NUMBER FIFTEEN И УНИЧТОЖАЙ!** Через речение—крик, вопль, шёпот,—са-

моотречение: **В ТВОЁМ СНЕ БОЕВИЦА АМОК: ПРИЧАЛИВАЙ, НАСТУПАЙ, УНИЧТОЖАЙ ВСЁ И ВСЯ!** Амок—имя, идеально определяющее состояние самозабвенных воительниц «Лозунгов». Восторженное неистовство. Бешенство маток-цариц, помешательство нимф-личинок. В этой связи совершенно логичны и уместны обращения ко всему, что связано с высшей, уже не человеческой и не животной силой, с волшебством, с магией (оживание, оживление, ворожба). Лозунги часто взывают к шаманкам и чародейкам, призывают к буйным пляскам, невнятным песням и изречениям под бубен: **ЧЕРНЯВЫ ОРУНЬИ, ЯРИТЕСЬ! ЧЕРНЯВЫ ЯРУНЬИ, ОРИТЕ! ЯРИТЕСЬ!** Вполне возможно, что лозунги, по крайней мере, некоторые из них, есть как раз отголоски этих заговоров, заклинаний, заклятий из самых различных верований и ритуальных практик: **ЗА ТУЛКУ NUMBER ТЫСЯЧА ТРИ—ПРЕМОКРЫЙ КАЮК! ЗА ГОЛЕМА NUMBER ДВА—ПРЕМОКРЫЙ КАЮК!** Особое внимание уделяется тесным отношениям между жизнью и смертью, состоянию

мёртвых, почти мёртвых, едва живых и всех тех, кто неуклонно к ним приближается. Более двух десятков лозунгов предусматривают некую перспективу, некое развитие с временной увязкой (А ПОТОМ), обнадеживающее хотя бы потому, что намечена какая-то связность. Завершаются такие послылы обычно нулевым или нейтральным результатом: четырнадцать раз—«...А ПОТОМ—НИТСНЕВО!», пять раз—«...А ПОТОМ—НИЧЕГО!», дважды—«...А ПОТОМ—ТИШИНА!». Лишь однажды—«...А ПОТОМ—ЯНТАРНЫЙ ПОКОЙ!». Всего два лозунга сулят активное продолжение: «...А ПОТОМ—ВОЗРОЖДЕНИЕ!» и «...А ПОТОМ—ВИХРЬ И ШКВАЛ!», а один придает этому продолжению анекдотическую, чуть ли не обэриутскую окраску: «...А ПОТОМ—СПАСАЙСЯ, КТО МОЖЕТ!». Один тематический блок полностью посвящён «замогилю» и «запределью». При желании можно читать «Лозунги» как фрагментарный, искажённый текст пособия по спасению и вечному выживанию в экстремальных условиях: здесь зарывать себя, там откапывать других, тут не дышать, где-то угаснуть,

а ещё выбрать для реинкарнации нужное лоно и найти путь ГАРБО, фонетически близкий к промежуточному пространству БАРДО.

Причем, чем яростнее дух истребления, тем явственнее и категоричнее неистребимость. В «Лозунгах» смерть на смерти сидит и смертью погоняет, и эта безудержная гонка бесконечна, а значит, бессмертна: будто через избиения и убиения, избивания и избывания можно достичь жизни вечной. Смертью смерть попирая, бытие ценой небытия.

«Лозунги» как рекомендации для обретения бессмертия (название одного из блоков—КАК ТУХНУТЬ, КАК НЕ ПРОТУХНУТЬ) объединяют опыт былых смертей и вместе с тем несут знания о смертях грядущих, а значит, допускают футурологические прочтения: так могла вещать Кассандра или Сивилла. В этом смысле мрачные прорицания Судаевой—несмотря на всю их эллиптичность и мерцающую ассоциативность—сопоставимы с пророчествами Исайи и Иеремии, Иезекииля и Иоиля. Вот для сравнения, что можно прочесть в апокрифическом тексте о Вознесении Моисея:

«И задрожит земля и до пределов своих сотрясется, и высокие горы понизятся и сотрясутся, и долины падут, солнце не даст света, и во мрак обратятся рога луны и сокрушатся, и всё обратится в кровь, и круг звёзд смешается, и море отступит до бездны, и источники вод иссякнут, и реки высохнут».

В древнегреческом языке слова *μανία* (*manía* «страсть», «влечение») и *μαντις* (*mantis* «прорицатель», «пророк») образованы от одного корня, и уже в античности дар предвидения, предсказания—как, впрочем, и дар поэтический—ассоциировался с одержимостью и считался одной из полезных форм безумия.

«Лозунги» Судаевой, безумное описывание всеобщего безумия, сегодня и по-русски возвещают грядущий конец света и страстно обличают вневременную (а значит, и современную) человеческую бесчеловечность.

Произведение, в котором случилось поразительное единство радикальной формы и парадоксального содержания: яркая поэтичность, глубокое

откровение, честное и чистое отчаяние, устремлённое в очень далёкое будущее:

КОГДА-НИБУДЬ МЫ УСТОИМ ПРОТИВ ВОЛН!
КОГДА-НИБУДЬ МЫ, НАКОНЕЦ,
БУДЕМ МЕРТВЕЕ ЖИВЫХ!
КОГДА-НИБУДЬ МЫ ПОЧУЕМ СОЛНЦЕ ВО РТУ!
КОГДА-НИБУДЬ МЫ ВЫМЕТЕМ СОР ИЗ ИЗБЫ!
ДА СГИНУТ СКВЕРНЫЕ ДНИ!